

В. А. Никольский,
профессор
(Калининский госуниверситет)

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ПУШКИН

Мощное и неослабевающее влияние Пушкина на русскую литературу было признано уже в минувшем столетии. Белинский, начиная свой знаменитый цикл статей о сочинениях поэта, заявлял: «...писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей»¹. «В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках, — писал И. А. Гончаров². Подобных высказываний можно привести немало. Исследования советских литературоведов углубили и конкретизировали эти мысли, раскрывая пушкинскую традицию в творчестве Гоголя и Гончарова, Тургенева и Льва Толстого, Достоевского и Некрасова.

Недостаточно проясненным, однако, остается вопрос об отношении к пушкинской традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина, писателя-сатирика, произведения которого по своему своеобразию кажутся такими отличными от пушкинских. Щедрина характеризуют прежде всего как преемника и продолжателя Гоголя, что и оправдывается самим характером его огромного дарования. Отношение Салтыкова-Щедрина к наследию Пушкина — тема, еще ждущая монографического изучения. Наметить аспекты такого изучения — задача настоящей статьи.

Сравнивая писательскую судьбу Салтыкова-Щедрина с писательской судьбой Пушкина, можно обнаружить не только общие типологические черты биографии передового писателя в царской России, но и моменты, особенно сближающие этих двух авторов.

В детские годы Салтыков, в обстановке тверского захолустья, не мог ощутить мощи пушкинского гения. Несомненно автобиографичны признания Никанора Затрапезного в «По-

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. в трех томах. М., Худ. лит., 1948, т. 3, с. 179.

² Гончаров И. А. Собр. соч. в восьми томах. М., Гослитиздат, 1955, т. 8, с. 77.

шехонской старине»: «Гений Пушкина достиг в то время апогея своей зрелости, и слава его гремела по всей России. Проникла она и в наше захолустье и в особенности среди барышень нашла себе восторженных поклонниц. Но не мешает прибавить, что слабейшие вещи, вроде «Талисмана», «Черной шали» и проч., нравились больше, нежели произведения зрелые. Из последних наибольшее впечатление производил «Евгений Онегин», по причине легкости стиха, но истинный смысл поэмы едва ли был кому доступен»³.

Увлечение Пушкиным у Салтыкова началось в годы его учения в Московском дворянском институте и особенно в Царскосельском (Александровском) лицее. Правда, начальство усердно изгоняло из лицея тот дух, который отличал его в годы пребывания в нем Пушкина, но некоторые традиции еще удерживались. В автобиографической записке 1858 г. Салтыков свидетельствует: «В то время Лицей был еще полон славой знаменитого воспитанника его, Пушкина, и потому в каждом почти курсе находился воспитанник, который мечтал сделаться наследником великого поэта» (XVII, 467). Мечтал об этом и лицеист Салтыков. Именно его называли Пушкиным XIII выпуска. И первое появившееся в печати произведение Салтыкова — стихотворение «Лира» — посвящено Державину и Пушкину. Сближение в нем Пушкина и Державина отражало, вероятно, трактовку пушкинской поэзии в лицейском преподавании тех лет. Другие же немногие сохранившиеся стихотворения лицеиста Салтыкова говорят больше о влиянии на него поэзии Лермонтова, Гейне и Гюго. Во всяком случае Салтыков рано понял, что стихотворство не его призвание.

По окончании лицея Салтыков проходит «школу идей» в кругу революционных просветителей и утопических социалистов, как ранее Пушкин прошел «школу идей» в кругу дворянских революционеров. Это определило резко критический по отношению к господствовавшему социальному строю и политическому режиму характер первых же их выступлений. Власти сразу же почувствовали в начинающем литераторе Салтыкове опасного противника, как увидели они четвертью века раньше противника в лице Пушкина, автора «Вольности» и политических эпиграмм. Салтыков поплатился за свои социалистические повести «Противоречия» и «Запу-

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в двадцати томах. М., Худ. лит., 1975, т. XVII, с. 333. В дальнейшем ссылки на это издание.

танное дело» многолетней ссылкой, как перед ним Пушкин, «наводнивший всю Россию возмутительными стихами».

В сороковые годы Салтыкова особенно увлекает Белинский. Пушкин ему теперь раскрылся в глубокой интерпретации великого критика.

Знаменательно, что возвратиться из ссылки Салтыкову помогала Н. Н. Ланская-Пушкина, используя связи своего мужа во влиятельных сферах. И Пушкин и Салтыков по окончании ссылки переживают период политических иллюзий. Пушкин некоторое время полагал, что сможет повлиять в прогрессивном духе на правительство Николая I, добиться смягчения репрессий против передовой дворянской интеллигенции. Салтыков, как известно, пытался «практиковать либерализм в самом капище антилиберализма», «не давать в обиду мужика», занимая крупные посты в губернской администрации. Жизнь развеяла эти иллюзии.

Щедрин сталкивался с теми же проявлениями крепостнического гнета, что и Пушкин. Поэту была, например, известна расправа, учиненная властями по требованию помещика И. И. Вульфа над взбунтовавшимися берновскими крепостными⁴. О подобной же расправе хлопотал в 1862 г. владелец Малинников Алексей Вульф. Старицкий исправник, как это было и в 1827 г., поддержал помещика: «Не угодно ли будет разрешить к побуждению крестьян к точному исполнению своих обязанностей... назначить в имение г-на Вульфа военную экзекуцию, а о более виновных произвести дополнительное следствие», — адресовался блюстителю барских интересов в губернское правление⁵. Салтыков, замещавший в это время губернатора, предотвратил экзекуцию.

Оба писателя сыграли выдающуюся роль в собирании передовых литературных сил, поддерживали молодые дарования. Так, Пушкин многое сделал для начинающего писательский путь Гоголя, оказал моральную поддержку Кольцову. Салтыков пестовал писателей из разночинной среды. Они придавали огромное значение журнальной работе и журнальной полемике. Основанный Пушкиным журнал «Современник» пережил второе рождение при Белинском, стал трибуной для Чернышевского и Добролюбова. Салтыков вошел

⁴ См. статью М. А. Ильина в настоящем сборнике.

⁵ Цит. по кн.: Журавлев Н. М. Е. Салтыков в Тверской губернии. Калинин, 1939, с. 79.

в редакцию «Современника» в самое трудное для журнала время: после кончины Добролюбова и ареста Чернышевского.

И Пушкину и Салтыкову приходилось вести изнурительную борьбу с царской цензурой, не все написанное ими могло быть при их жизни опубликовано. Великого поэта и великого сатирика мучило сознание того, что их голос не доходит до народа, а голоса друзей заглушаются криками недругов. Так возникла скорбная заключительная строфа пушкинского «Памятника»:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

В унисон этим строкам звучат слова Салтыкова-Щедрина в очерке «Читатель» из «Мелочей жизни»: «До тех пор пока не установилось прямого общения между читателем и писателем, последний не может считать себя исполнившим свое призвание. Могучий — он бессилен; властитель дум — он раб бездумных бормотаний случайных добровольцев, успешных захватить в свои руки ярмо» (XVI, 2, 134). И это сказано в 1887 г., тоже в конце писательского пути.

Но поэт и сатирик не занимали пассивной позиции в общественно-литературной борьбе и как критики и публицисты наносили недругам могучие удары.

Салтыков-Щедрин не посвятил Пушкину критических статей. Его от великого предшественника отделяет перелом в русской жизни, ознаменовавшийся падением крепостного права в результате «движения рабов» (Маркс). Пушкин выступил на заре русского освободительного движения, Салтыков-Щедрин — в эпоху «подготовки революции» в стране, «задавленной крепостниками» (Ленин) и «чумазами». Рассматривая литературу как пропаганду передовых взглядов, как оружие в борьбе с силами реакции, с основами эксплуататорского строя, Щедрин предельно злободневен и требует того же от каждого, кто берется за перо. Именно в этом смысле он продолжатель Пушкина, утверждавшего гражданскую литературу, верную действительности и проникнутую передовыми идеалами. Но ему принадлежат и прямые высказывания о Пушкине и его историческом значении.

Щедрину близок и дорог гуманизм Пушкина, питаемый чаяниями и ожиданиями народными, его социальный оптимизм, вольнолюбие. «Поэт, в справедливом сознании свето-

зарности совершаемого им подвига мысли, имел полное право воскликнуть, что он глаголом жжет сердца людей», — утверждает Щедрин (XVI, 2, 134). Революционному просветителю Щедрину особенно дороги просветительские идеи поэта, его «подвиг мысли».

Принципиальное значение приобретает высказывание Щедрина о Пушкине в письме одиннадцатом из «Писем к тетеньке». Разоблачая лицемерный характер похвал Пушкину, расточаемых в официозных и либеральных кругах, он саркастически замечает: «Ведь это только шутки шутят современные Ноздревы, приглашая литературу отдохнуть под сению памятника Пушкину. В действительности они столь же охотно пригласили бы Пушкина в участок, как и всякого другого, стремящегося проникнуть в тайности современности. Ибо они отлично понимают, что сущность пушкинского гения выразилась... в тех стремлениях к общечеловеческим идеалам, на которые тогдашняя управа благочиния, как и нынешняя, смотрела и смотрит одинаково неприязненно» (XIV, 406).

Не принимал Щедрин и той трактовки наследия Пушкина, которая содержалась в речах И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского на торжествах 1880 г. в связи с открытием памятника поэту в Москве. Они выступили не с объективной оценкой поэта, а с пропагандой своих общественно-литературных взглядов. Достоевский в почвенническом духе истолковал творчество поэта (XIX, I, 157, 159).

Пушкин принадлежал к тем, в его время еще немногим, русским людям, кто «протестовал безвременною своею гибелью» против чудовишного уродства крепостнических порядков (IX, 388). Он не пассивная жертва враждебных народу сил, а борец, павший в схватке с врагами.

Щедрин подчеркивает национальную самобытность Пушкина, оставшегося русским даже в тех произведениях, создавая которые он «раздражался чужой мыслью», например, в южных поэмах и «Подражаниях Данту».

В то же время, как и Белинский, Чернышевский, Добролюбов, сатирик недооценивал идейную значимость и общественную действенность прозы Пушкина: «Повестей Белкина», «Пиковой дамы». «Живи Пушкин теперь, он, наверное, не потратил бы себя на писание «Пиковой дамы» (XIV, 406), — замечает Щедрин, считая, очевидно, повествование в этих произведениях слишком объективным, не выявляющим общественной позиции автора, а сюжеты — не отражающими

коренных противоречий жизни. Не вызывает его симпатии и Евгений Онегин как социальный тип, бесперспективный в качестве деятеля, способного внести в русскую жизнь новые начала. В рецензии на книгу Авдеева «Меж двух огней» он замечает о ее герое: «...некто Камышлинцев принадлежит к числу тех праздношатающихся русских людей, которые со времен «Евгения Онегина» не перестают пользоваться сочувствием наших беллетристов» (IX, 304). Правда, осуждение критика вызывают прежде всего эпигоны пушкинского героя.

Из последователей Пушкина, полагает Щедрин, пафосом своих произведений, умением пробуждать в читателях «добрые чувства», ближе всего стоит к поэту Тургенев. «Это... не какие-нибудь условные «добрые чувства», согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие «добрые чувства», в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты» (IX, 458).

Таким образом, историческое место Пушкина, его художественное наследие и современное значение осмыслено Щедриным-критиком в том духе, в каком оно осмысливалось в революционно-демократической критике 40—60-х годов, исключая, конечно, критический эксцесс Писарева.

Встает вопрос: обнаруживаются ли точки соприкосновения с наследием Пушкина в художественных произведениях Салтыкова-Щедрина? В каких произведениях Пушкин как бы предвосхищает тематику, образы, художественную манеру Щедрина? В чем Щедрин-художник следует Пушкину? При этом прямая ориентация Салтыкова-Щедрина на конкретные произведения великого предшественника может рассматриваться лишь как частное проявление литературной преемственности, как субъективная форма объективной историко-литературной закономерности.

В очень общей форме ответ на эти вопросы будет таким: Щедрин идет по пути реализма, начало которому положил Пушкин, но в эпоху, когда реализм этот в полном смысле слова становился критическим. Великий сатирик, вместе с современными ему русскими писателями, упрочил за русской литературой «достоинство национального дела» (Чернышевский), в которое возвел ее впервые именно Пушкин. Произведения Щедрина, как и произведения Пушкина, проникнуты народной гуманной мыслью, хотя у него эта мысль и выражена «враждебным словом отрицанья».

Но темы, образы, сюжеты Пушкина конкретно откликаются в произведениях Щедрина на всем протяжении его творческого пути.

Щедрин начал литературную деятельность в сороковые годы повестями в духе «натуральной школы». Н. Л. Бродский в своей монографии (1937 г.) о Пушкине, говоря о влиянии «Станционного смотрителя» и «Медного всадника» на эту школу, в качестве наиболее убедительного примера приводит «Запутанное дело» молодого Салтыкова. В самом деле, герои «Противоречий» и «Запутанного дела» — петербургские бедняки, принадлежащие не к тем, кто «едет в карете», а к «человечеству, шагающему по грязи», к тем, кому фортуна «показывает зад». Конечно, в повестях этих немало переключек с «Шинелью» Гоголя и «Бедными людьми» Достоевского. Но Н. Л. Бродский прав, подчеркивая особенную близость Ивана Самойловича Мичулина именно пушкинскому Евгению. Невеселые размышления Мичулина, вернувшегося сырым осенним петербургским вечером в свою бедную каморку, почти повторяют размышления Евгения. «И нынче, как всегда, пробрался он потихоньку в свою комнату, молча выпил поданный ему стакан чая... и начал думать... В сущности, дело было чрезвычайно просто и немногосложно. Обстоятельства-то Ивана Самойловича были так плохи, так плохи, что просто хоть в воду. Россия — государство обширное, обильное и богатое — да человек-то иной глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве!» (I, 205). Пушкинский герой задавался даже философским вопросом о смысле (или бессмысленности?) жизни:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

Подобный вопрос задает себе и Мичулин: «...а что такое жизнь... Не есть ли это обман, мечтанье пустое?» (I, 217). Мичулин «бунтует» против «значительного лица», как бунтовал Евгений против Медного всадника. Бродский по этому поводу замечает: «Салтыков образом «пужного человека» снизил символику «Медного всадника», но идейная сущность осталась та же, тема начинавшегося бунта городской разночинной демократии против самодержавия — самовластия — была раскрыта молодым фурьеристом как преемственная, перешедшая к нему от великого художника-реалиста, гени-

ального создателя социальных типов новой русской художественной литературы»⁶.

Исследователь не подчеркнул, однако, того, что именно Пушкиным и Салтыковым созданы образы, символизирующие трагизм общественного бытия: это Медный всадник как символ безжалостной исторической необходимости, это — у Салтыкова — общественная пирамида, в основании которой полураздавленные ее тяжестью простые люди. Символ взят Салтыковым из пропагандистского арсенала западноевропейских утопических социалистов. Пушкинский сюжет он переосмысливает в социалистическом духе.

В художественном отношении юношеское произведение Салтыкова не идет ни в какое сравнение с одним из самых совершенных творений Пушкина. Но типологического сходства между ними отрицать нельзя. И николаевская цензура по своему его засвидетельствовала.

В преддверии революционной ситуации 1859—1861 годов Салтыков становится сатириком Щедриным, создав «Губернские очерки», выдвинувшие его в первые ряды литературы. Щедрин — не просто псевдоним писателя, но и художественный образ, выполняющий в повествовании сложные функции, достаточно уже раскрытые в трудах щедриноведов. Хочется только подчеркнуть, что в этой своей сложной роли он был предварен в русской литературе Иваном Петровичем Белкиным, хотя Пушкин и не успел раскрыть все потенциальные художественные возможности этого вымышленного повествователя.

Салтыков-Щедрин дал «вторую жизнь» многим героям Грибоедова, Гоголя, Тургенева, А. Островского. Но Пушкин ранее его прибегнул к подобному приему, введя в круг героев «Евгения Онегина» Скотининых «чету седую» и своего «брата двоюродного Буянова». Правда, это сделано им как бы мельком и в доказательство косности, неподвижности помещичьего существования. Щедрин же показывает, какую эволюцию неизбежно претерпевает литературный герой в новых исторических обстоятельствах.

Именно в сатире Салтыков-Щедрин нашел себя. Поставленный нами выше вопрос следует конкретизировать: в чем Пушкин предвосхищает мотивы щедринской сатиры, а Щедрин следует путями, впервые проложенными Пушкиным-са-

⁶ Бродский Н. Л. А. С. Пушкин. Биография. М., Худ. лит., 1937, с. 787—788.

тириком? Ответ на этот вопрос затрудняется тем, что эта сторона творческого наследия поэта, желавшего когда-то, чтобы «муза пламенной сатиры» вручила ему «ювеналов бич», еще требует углубленного изучения. «На протяжении всего своего творческого пути Пушкин выступает в качестве сатирика, сурово осуждающего те явления жизни, которые оскорбляют его гражданское и нравственное достоинство. Так выражается его глубокое убеждение в том, что независимый вольнолюбивый писатель должен бороться с мрачными сторонами действительности»⁷.

Пушкин явился в русской журналистике предшественником Салтыкова-Щедрина как блестящий полемист, разящий своих литературных противников беспощадной насмешкой. Если в лицейский период его полемика носит преимущественно характер спора по литературным вопросам, хотя он чувствует и социально-политический подтекст писаний «беседчиков», то в тридцатые годы, выступая против рептильной официозной журналистики, он разоблачает ее доносительный, полицейский по сути дела, характер, тем самым клеймя и политический режим, которому служат продажные журналисты. «Тут отыскиваются истоки того эзоповского языка, который под влиянием Салтыкова-Щедрина укрепился в русской революционно-демократической публицистике второй половины XIX века»⁸.

Щедринские приемы дискредитации противников Пушкин предвосхищает в статьях «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», подписанных псевдонимом Феофилакт Косичкин. В последней статье он убийственно пародирует бульварную, грубо натуралистическую манеру Булгарина, приводя проспект романа «Настоящий Выжигин». К приему пародирования неоднократно прибегал Щедрин. В свою, например, рецензию 1868 года на сборник повестей Авенариуса «Бродящие силы», разоблачая низкопробный «клубничизм» этого автора, направленный против «новых людей», Щедрин включает пародийное «Сказание о клубнике» (IX, 239—242).

⁷ Фридман Н. В. Пушкин-сатирик. — В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сборник второй. Калинин, 1974, с. 39.

⁸ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.-Л., АН СССР, 1941, с. 592.

Разящей, подлинно щедринской силы исполнено уподобление Пушкиным Булгарина Видоку. В не публиковавшейся при жизни Пушкина «Детской книжке» он создает памфлетные характеристики Николая Полевого («Ветренный мальчик»), Павла Свинына («Маленький лжец») и Николая Надеждина (сын приходского дьячка Ванюша). В каждом из этих сатирических персонажей доведена до предела одна черта: самоуверенное невежество Алеши, нелепое фантазирование Павлуши и Ванюшина страсть к заушательству. Невольно в качестве параллели из критического наследия Щедрина вспоминаются его памфлетные характеристики сотрудников «Времени», уподобляемых им стригам.

В черновом наброске рецензии «Об альманахе «Северная лира» Пушкин иронизирует над статьей Раича, прибегающего к натянутым поверхностным аналогиям, чтобы доказать, что Ломоносов перенес «в свои творения много, очень много итальянского», повторив судьбу... Петрарки. Пушкин выступает в данном случае против примитивного компаративизма, принципиальным противником которого и безжалостным разоблачителем стал Салтыков-Щедрин. В «Дневнике провинциала в Петербурге» компаративисты высмеяны сатириком в лице Неуважай-Корыта, автора «Исследования о Чурилке», и Болиголовы, написавшего диссертацию «Русская песня «Чижик! чижик! где ты был? — перед судом критики». Известны и прототипы этих сатирических персонажей: В. В. Стасов, подвергший сомнению самобытность русского былинного эпоса, и А. Н. Веселовский, увлекавшийся отысканием зарубежных источников произведений древней русской письменности и фольклора.

Пушкин делал наброски сатирических обзрений литературных нравов и литературных споров в виде сцен, действующими лицами которых выступают резко очерченные типы дельцов от литературы и критиков, прибегающих к неблагоприятным приемам. Это его «Альманашик» и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». Жанр сцен, в том числе и на литературные темы, доведен был до высокого совершенства Салтыковым-Щедриним.

Есть в художественном наследии Щедрина произведение, в котором влияние Пушкина сказывается совершенно отчетливо, что и отмечается во всех работах, посвященных тому и другому автору: это «История одного города». Прообразом

его является незаконченная пушкинская «История села Горюхина»⁹.

Конечно, к созданию «Истории одного города» Щедрин шел годами, начиная с «Губернских очерков» и «глуповского» цикла тверских лет. Галерея царских администраторов в «Помпадурах и помпадуришах» непосредственно предваряет галерею глуповских градоначальников. Ощутима преемственная связь книги Щедрина с «Ревизором» и «Мертвыми душами» Гоголя. Но все-таки «завязать» сюжет помог Щедрину именно Пушкин. Пушкин в свое время подарил сюжеты комедии и романа Гоголю. Посмертно он подарил сюжет сатирической книги Салтыкову-Щедрину.

Белкин у Пушкина и Издатель у Щедрина начинают с того, что признаются в своем давнишнем желании написать какую-нибудь историю. Отказавшись от мысли испробовать свои силы в истории всемирной и отечественной, убоявшись трудностей в написании истории губернского города и даже уездного, Белкин с радостью воспользовался возможностью начертать историю собственного владения... Издатель у Щедрина обращается к читателям со словами: «Давно уже имел я намерение написать историю какого-нибудь города (или края) в данный период времени, но разные обстоятельства мешали этому предприятию. Преимущественно же препятствовал недостаток в материале, сколько-нибудь достоверном и правдоподобном» (VIII, 265). Нечаянная находка «исторических документов», как и у Белкина, решает дело.

В обоих произведениях дается перечисление и краткая характеристика «источников»: собрания старинных календарей и летописи горюхинского дьячка у Пушкина, «описи» градоначальников и «Глуповского Летописца» у Щедрина. Эти «документальные источники» и положены в основу повествования, они пересказываются или дословно воспроизводятся. При этом явно пародируется манера тогдашней официальной историографии, с серьезным видом делаются ссылки на известных ученых историков.

От «баснословных времен» Пушкин и Щедрин ведут читателей к временам не столь давним, а за всем этим чувствуется сегодняшняя страна, беды и горести современников. Совпадают основные хронологические рамки двух

⁹ См.: *Грицай Ю. Ф.* «История села Горюхина» Пушкина — литературный прототип «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов, 1973, вып. I.

«Историй». Щедрин в подзаголовке «Описи градоначальников» называет 1731—1826 годы. Собрание старых календарей у Белкина охватывает 1744—1799 годы (до рождения Пушкина!), а перо Белкин кладет 3 ноября 1827 года¹⁰.

За Горюхиным, как и за Глуповым, стоит вся Россия. Когда Белкин повествует: «К западу облегают ее цветущие поля Захарьинские, благоденствующие под властью мудрых и просвещенных помещиков. К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту...» — то за топографией горюхинской «страны» проступает география России с ее положением между Западом и Востоком. (Это обстоятельство Пушкин считает очень важным для исторических судеб страны, о чем он и пишет Чаадаеву, откликаясь на первое «Философическое письмо» последнего). У Щедрина той же цели служит пародирование пресловутой легенды о «призвании варягов».

Основным содержанием обеих «Историй» является та пучина несчастий и бедствий, в которую ввергнуты горюхинцы и глуповцы по злой воле своих владельцев и начальников. В пушкинской «Истории села Горюхина» уже чувствуются как бы щедринские интонации, возникают ситуации, предвосхищающие глуповские. Стоит сослаться на эпизод появления в Горюхине приказчика. «Тогда растопыря ноги наподобие буквы хера и подбочась наподобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь: «Смотрите же вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный, да я выбью дурь из ваших голов, небось, скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было. Горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы — и с ужасом разошлись по домам»¹¹. Такое же впечатление на глуповцев производит появление большинства из новых градоначальников.

Сравнимы и результаты деятельности приказчика и глуповских градоправителей, причем Щедрин использует даже пушкинские выражения.

«** принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы... Главным основанием оной была следующая аксиома: Чем мужик богаче, тем он избало-

¹⁰ *Викторова К., Тархов А.* «История села Горюхина». — Знание — сила, 1975, № 1, с. 33—34.

¹¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в десяти томах. М.-Л., АН СССР, 1949, т. VI, с. 194. В дальнейшем ссылки на это издание с указанием тома и страниц.

важнее — чем беднее, тем смиреннее. Вследствие сего ** старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели... В три года Горюхино совершенно обнищало. Горюхино *приуныло*, базар *запустел*, песни Архипа-Лысого *умолкли*. Ребятишки пошли по миру». А вот к чему приводит рачительное правление Брудастого: «Глулов, беспечный, добродушно-веселый Глулов, *приуныл*. Нет более оживленных сходок за воротами домов, *умолкло* щелканье подсолнухов, нет игры в бабки! Улицы *запустели*, на площадях показались хищные звери» (VIII, 282. Курсив наш. — В. Н.). Запустел, умолк, приуныл — одинаковый отбор глаголов свидетельствует о сознательном обращении Щедрина к горюхинской летописи.

Притеснения и у горюхинцев, и у глуповцев вызывают в конце концов протест, приводят к возмущению и непокорству. В плане продолжения горюхинской истории Пушкиным дважды упоминается бунт. Глуповцы, доведенные до крайности «бесславным идиотом» Угрюм-Бурчевым, «изнуренные, обруганные и уничтоженные», «взглянули друг на друга — и вдруг устыдились», «всякая минута казалась удобною для освобождения, и всякая минута казалась преждевременною» (VIII, 422). Бунт ли изображен в заключительных строках «Истории одного города» или наступление беспросветной николаевской реакции — вопрос, вызывающий до сих пор споры между щедриноведами, но пробуждение сознательной мысли и антиправительственных настроений у глуповцев сатирик, без сомнения, изобразил.

«Раздражившись» неоконченным произведением Пушкина, Щедрин остался глубоко самостоятельным, по-своему разработав избранный сюжет, придав его трактовке оригинальный характер.

В поле зрения Пушкина находятся социальные отношения крепостнической России, антагонистические противоречия между помещиками и крестьянами. С горьким юмором, но и с явной симпатией пишет он об обитателях крепостной деревни. Щедрин делает акцент на другом. Он исследует отношения между деспотической властью самодержцев, государственной машиной и обывателями как некоей общей массой, безропотно властям повинующейся. Все глуповцы влачат жизнь «под игом безумия», и различаются-то они между собой лишь манерами повинования: «...дворянин повинуется благородно и вскользь предъявляет резоны; купец повинуется с готовностью и просит принять хлеб-соль; наконец, под-

лый народ повинуется просто и, чувствуя себя виноватым, раскаивается и просит прощения» (VIII, 425). Это не значит, конечно, что сатирик не делает различия между тружениками и имущими. В картинах засухи и пожара он показывает, на кого падает вся тяжесть существующих порядков, эти картины пронизывает боль за крестьян и городскую бедноту. Но Щедрин с негодованием пишет о покорности глуповцев. Превыше всего ставя народ «как воплотителя идеи демократии», Щедрин утверждает, что «народ исторический»: если он терпит Бородавкиных и Угрюм-Бурчеевых, то заслуживает за это суровое осуждение. О различии в замыслах Щедрина и Пушкина говорят сами наименования села и города: Горюхино — о бедствиях, горе народном, Глупов — о неразумности массы, не способной осознать и отстоять собственные интересы и права. Пушкин взывает к сочувствию народу, Щедрин — к самосознанию народа.

Пушкин, заостряя характеристики горюхинцев, не нарушает границ жизненного правдоподобия. Щедрин предельно обнажает противоречия современной ему русской жизни, прибегая к гротеску и фантастике. Нарушая внешнее правдоподобие, он вводит в самую суть общественных явлений и процессов.

Перед нами в данном случае высокий пример подлинной литературной преемственности, творческого развития традиции. Но это пример не единственный для Щедрина.

В художественном наследии Пушкина и Щедрина видное место занимают литературные сказки. Оба они при этом идут от русской народной сказки. В жанре русской литературной сказки в XIX в. с именами Пушкина и Щедрина связаны высшие достижения.

Но можно ли говорить, что Щедрин шел от пушкинской сказки? А. Бушмин, автор специальной монографии о сказках Салтыкова-Щедрина, склонен к отрицательному ответу на этот вопрос. По его мнению, Щедрина Пушкин в какой-то мере предвосхищает лишь в незавершенной «Сказке о медведихе», «где образы зверей заключают в себе, элемент сатиры на сословный принцип (медведь-боярин, волк-дворянин, зайка-смерд)»¹². Назвав еще две сказки В. Ф. Одоевского, исследователь делает категорический вывод: «Все это, однако, такие частности, которые не дают достаточных ос-

¹² Бушмин А. Сказки Салтыкова-Щедрина. Изд. 2-е. Л., Худ. лит., 1976, с. 11.

нований для выводов относительно непосредственной генетической зависимости щедринской сказки от ранней литературной русской сказки. Обнаруживаемые здесь некоторые элементы сходства вполне могут быть объяснены, помимо всякого персонального влияния, самой спецификой сатиры и самостоятельным обращением каждого автора к фольклорным источникам»¹³.

Стоит по этому поводу заметить прежде всего, что «генетическая зависимость» в историко-литературном процессе не покрывается понятием персонального влияния.

Конечно, пушкинские «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о царе Салтане» — это подлинные поэмы о любви и верности. Их, конечно, нельзя соотнести со сказками автора «Дикого помещика» и «Самоотверженного зайца». Зато «Сказка о рыбаке и рыбке», а вместе с ней и «Сказка о золотом петушке» сатиричны, высмеивают и словную спесь, и маразм верхов феодального общества. Когда в 1909 г. была впервые поставлена опера Римского-Корсакова «Золотой петушок», критика писала об этом спектакле как о спектакле «щедринской силы». «Повинны» в этом были, очевидно, не только композитор, либреттист, художник и постановщик, но и прежде всего сам Пушкин!

Но есть у Пушкина сказка, которая наводит на мысль о прямом сопоставлении с одной из сказок Салтыкова-Щедрина: это первая по времени из сказок поэта — «Сказка о попе и работнике его Балде», созданная в Болдине в 1830 г. (почти одновременно с «Историей села Горюхина»). И у Щедрина первая же сказка — «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», опубликованная в 1869 г. Пушкинская сказка тогда могла быть известна Щедрину в переделке Жуковского, давшего ей заглавие «Купец Кузьма Остолоп, по прозванию осиновый лоб» (подлинный пушкинский текст появился в печати в 1882 г.).

И в той, и в другой сказке труженик противопоставлен тунеядцам к явному посрамлению последних. И пушкинский Балда, и щедринский Мужик — замечательные умельцы, в руках у которых горит любая работа. Выполнять же работу приходится им для тех, кто сам пальца о палец не желает да и не умеет стукнуть.

Пушкин явно любит на своего героя:

¹³ Бушмин А. Указ. соч., с. 12.

Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До светла все у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит

(IV, 410).

Так же спорится работа и у щедринского Мужика: «И начал он перед ними действовать. Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблок, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек... разной провизии» (XVI, I, 11).

Написанная в духе народного раешника, сказка о Балде, с ее грубоватой простонародной лексикой, и по слогу наиболее сопоставима с щедринскими сказками.

Конечно же, Щедрин глубоко оригинален. Пушкин, идя от народных сказок о мужике и барине, мужике и попе¹⁴, заключает свое повествование торжеством Балды, а Щедрина не оставляют горькие мысли о покорности Мужика, который даже сам веревку вьет, чтобы генералы его привязали на ночь в предупреждение побега.

И Пушкин, и Щедрин в свои сказки вводят фантастический элемент. Пушкин это делает в традиционном фольклорном духе, передавая пикантные подробности поповских «экономических связей» с нечистой силой. Фантастика у Щедрина отличается глубоко новаторским характером: за видимой немотивированностью ситуаций, невероятностью поступков персонажей обнаруживается проникновение в самую суть социальных отношений.

Сказки Щедрина литературоведы называют конспектом всего им написанного. Сказки Пушкина также вобрали многие мотивы его творчества.

¹⁴ Фольклористами высказано предположение, что в основе сказки лежат тверские варианты распространенного сказочного сюжета. См.: Гончарова А. В. О возможных тверских источниках «Сказки о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье. Калинин, 1972, с. 17—31.

Завершая творческий и жизненный путь, Салтыков-Щедрин обращается к годам своего детства и ранней юности, т. е. к пушкинскому времени. В русской литературе немного найдется произведений, равных «Пошехонской старине» по силе и убедительности обличения и отрицания крепостнического строя и всех его порождений. И тем знаменательнее, что среди них — юношеское стихотворение Пушкина «Деревня» с его инвективную крепостничеству:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...

Эти пушкинские слова могли бы стать эпиграфом к «Пошехонской старине», рисующей картины именно «барства дикого» и «рабства тощего». Можно сказать, что лирическая медитация поэта претворена Щедриным в огромное эпическое полотно, ставшее убийственным приговором не только крепостничеству, но и любому строю, основанному на эксплуатации человека человеком.

«Пошехонская старина» сопоставима с главами «Евгения Онегина», изображающими усадебную жизнь, т. е. с основным содержанием гениального стихотворного романа. А. Цейтлин в статье 1941 года склонен был хронику Щедрина рассматривать в литературном плане как пародию на пушкинский роман. «То «переосмысливание» пушкинского шедевра, которое в поэме и лирике осуществили Полежаев, Некрасов и Вас. Курочкин, было в прозе произведено Салтыковым-Щедриным»¹⁵. «Полежаев, Некрасов, Курочкин, Щедрин не останавливались перед пародированием того, что для них было идеологически неприемлемым в жизни пушкинских героев»¹⁶. Цейтлин отмечает, что пушкинские бытовые персонажи второго плана выходят у Щедрина на авансцену. О своеобразной помещице Лариной сказано немного, в то время как Анна Павловна Затрапезная у Щедрина — одна из главных фигур его хроники. Две пушкинские строчки: «Гвоздин, хозяин превосходный, Владелец нищих мужиков» — как бы разворачиваются в целую главу «Пошехонской старины» о Пустотелове и его приемах получения доходов от восьмидесяти крепостных душ. Мельком упомянутые Пуш-

¹⁵ Цейтлин А. «Евгений Онегин» и русская литература. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы, с. 360.

¹⁶ Там же, с. 362.

киным в третьей главе «Евгения Онегина» «затем сельской остроты» (крепостных девиц Ларина заставляла петь во время сбора ягод, чтобы они их не ели) у Щедрина вырастают в потрясающую картину дворянского скряжничества и надругательства над дворовыми. Зато собственно романтические мотивы в его хронике сведены на нет («Недолгий сестрицын роман», сердечное фиаско Валентина Бурмакина). Лишен поэтического очарования самый природный фон, на котором разворачивается «мистерия крепостного права», неприглядны помещичьи дома.

Но все же говорить о пародировании Щедриным пушкинского романа нет никаких оснований. Роман Пушкина (как и «Герой нашего времени» Лермонтова, «Кто виноват?» Герцена, «Рудин» и «Дворянское гнездо» Тургенева) — это роман о жизненной драме дворянской интеллигенции. А «Посехонская старина» непосредственно обнажает коренное антагонистическое противоречие не только крепостнической, но и пореформенной России, между крестьянами и помещиками. Оно создано в эпоху, которую В. И. Ленин определил как «эпоху подготовки революции в одной из стран, подавленных крепостниками». Именно этим был определен угол зрения сатирика на героев и обстоятельства, в которых они действуют, а не желанием кого-то пародировать из своих литературных предшественников.

Сказанное позволяет сделать вывод, что родоначальник новой русской литературы, особенно в произведениях тридцатых годов, предвосхитил некоторые существенные мотивы, которые на новом историческом этапе развил великий русский сатирик.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
А. С. П У Ш К И Н А

Межвузовский тематический сборник

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Калинин 1979